

АНДРЕЙ П. ПАВЛОВ

СТОЛЬНИКИ КАК ЧИН ГОСУДАРЕВА ДВОРА В ЦАРСТВОВАНИЕ МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА РОМАНОВА

История правящей элиты Московской Руси¹, и, в первую очередь, ее верхнего слоя – боярской аристократии – с давних пор является предметом пристального внимания исследователей.

Долгое время в исторической литературе господствовало мнение (наиболее полно выраженное в работах В.О. Ключевского, С.Ф. Платонова, Н.П. Павлова-Сильванского, И.И. Смирнова²) о боярстве как непримиримой аристократической оппозиции самодержавной власти царя, опиравшегося в борьбе за централизацию государства на рядовое дворянство. Однако, начиная с 1960-х гг., в советской и постсоветской историографии эта традиционная концепция «борьбы боярства и дворянства» все более подвергается сомнению (работы А.А. Зимина, Н.Е. Носова, В.Б. Кобрин и ряда других исследователей³). Так, В.Б. Кобрин, наиболее последовательно оспаривавший концепцию «борьбы боярства и дворянства», отметил, что княжеско-боярская

1. Под «правящей элитой» Русского государства конца XV-XVII вв. нами понимается государев двор, члены которого имели преимущественное право на замещение высших придворных, военных и административных должностей в государстве, а его верхушка (думные люди) принимала участие в принятии важнейших государственных решений (см. об этом: *Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII вв. : Очерки истории* / отв. ред. А.П. Павлов. СПб. : Дмитрий Буланин, 2006, с. 5).

2. В.О. Ключевский, *Боярская дума Древней Руси*, изд. 5-е, Петербург, 1919, с. 216-227, 385-396; С.Ф. Платонов, *Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI-XVII вв. : Опыт изуч. обществ. строя и сослов. отношений в Смут. время*, 5-е изд., М. : Памятники ист. мысли, 1995, с. 84-105; Н.П. Павлов-Сильванский, *Государевы служилые люди*, СПб., 1898, с. 139-143; И.И. Смирнов, *Очерки политической истории Русского государства 30-50-х годов XVI в.М.* ; Л. : Изд-во АН СССР, 1958, с. 8-10.

3. А.А. Зимин, *Опричнина Ивана Грозного*, М. : Мысль, 1964, с. 340-341; Н.Е. Носов, *Становление сословно-представительных учреждений в России*, Л. : Наука, 1969, с. 386-420; В.Б. Кобрин, *Власть и собственность в средневековой России : XV-XVI вв.*, М. : Мысль, 1985, с. 48-89, 199-219; А.П. Павлов, *Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове : 1584-1605 гг.*, СПб. : Наука, 1992, с. 202-203; 250-253.

знать в целом не представляла собой слоя могущественных и независимых на местах земельных магнатов, находилась в зависимости от государственной службы, получала щедрые земельные пожалования в разных уездах страны и, в силу этого, была неспособна противостоять самодержавию и незаинтересована в возвращении к порядкам удельной раздробленности.

Решительной критике концепция противостояния самодержавия и боярства подверглась в работах современных американских историков (Н.Ш. Коллманн, Р.О. Крамми, Дж.П. ЛеДонна, П. Бушковича и др.⁴). В отличие от традиционных институционального и социально-экономического подходов историки данного направления сделали акцент на изучении личных связей (родства, свойства, дружбы, покровительства и т.д.) внутри знати⁵. Данный подход оказался весьма результативным и позволил исследователям более полно и наглядно раскрыть механизмы взаимоотношений в правящих верхах, определить пути и способы формирования и пополнения состава боярской элиты. Изучение реальных родственных и личных связей внутри боярской элиты привело историков указанного направления к весьма важному выводу о том, что, хотя эти связи носили неформальный характер и не были закреплены юридически, прежде всего именно они (имея мощную укорененность в традиции) обеспечивали генеалогическую устойчивость правящей боярской знати и ее главенствующее положение в обществе. Этот вывод позволил ученым подвергнуть сомнению традиционные представления о неограниченном характере самодержавной власти, которая в действительности была вынуждена считаться с могущественными боярскими кланами и была неспособна безоговорочно навязать элите свою волю⁶.

Применительно к XVII веку новые подходы были успешно реализованы в фундаментальной монографии Р.О. Крамми. На основе детального анализа персонального состава Думы и взаимоотношений внутри думской элиты

4. R.O. Crumney, *Aristocrats and Servitors: The Boyar Elite of Russia, 1613-1689*, Princeton (N.J.) : Princeton Univ. Press, 1983; N.S. Kollmann, *Kinship and Politics: The Making of the Muscovite Political System, 1345-1547*, Stanford (CA) : Stanford Univ. Press, 1987; J. LeDonne, *Absolutism and Ruling Class: The Formation of the Russian Political Order, 1700-1825*, N.Y. : Oxford univ. press, 1991; P. Bushkovitch, *Peter the Great: The Struggle for Power 1671-1725*, Cambridge : Cambridge univ. press, 2001 (Русский перевод – П. Бушкович, *Петр Великий: Борьба за власть : 1671-1725*, СПб. : Дмитрий Буланин, 2008).

5. В российской историографии на родственные связи и «родовую дисциплину» как важнейшие факторы формирования старомосковской боярской знати указывал еще С.Б. Веселовский (С.Б. Веселовский, *Исследования по истории класса служилых землевладельцев*, М. : Наука, 1969). Большое значение родства, личных связей и покровительства в жизни русского провинциального дворянства XVII в. показано в исследовании В. Кивельсон [V.A. Kivelson, *Autocracy in the Provinces: The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century*, Stanford : Stanford univ. press, 1996].

6. И в самой идеологии самодержавия, как показывает С.Н. Богатырев, важным элементом была наполненная религиозным содержанием формула «государь-советники», подчеркивавшая идею единства царя и его бояр-советников, которые не могли существовать раздельно (S. Bogatyrev, *The Sovereign and his Counsellors. Ritualised Consultations in Muscovite Political Culture, 1350s -1570s*, Helsinki : Academia Scientiarum Fennica, 2000, p. 38-39, 88-89).

исследователь пришел к важному выводу о том, что в составе высших думных чинов, – бояр и окольничих, – вплоть до конца XVII столетия доминирующее положение занимали представители традиционной боярско-княжеской знати, а пополнение состава Думы выходцами из новых родов не было случайным и определялось прежде всего их родственными и личными связями с членами царского дома и влиятельными боярскими группировками. Эти выводы убедительно опровергают мнение В.О. Ключевского об упадке в XVII веке боярской аристократии и о вытеснении боярства дворянством. Изучение боярской (думской) элиты в намеченном Р.О. Крамми направлении было продолжено в работах О.Е. Кошелевой, П.В. Седова, П. Бушковича, М.Т. По, которые развили и конкретизировали представления о составе боярских придворных группировок, ходе и характере придворной борьбы, способах пополнения думской элиты новыми людьми⁷.

В настоящее время благодаря исследованиям Р.О. Крамми и других ученых можно считать установленным, что упадка боярства в XVII в. в целом не произошло, а вхождение в Думу представителей новых, незнатных родов означало не «вытеснение боярства дворянством», а пополнение ее состава людьми, тесно связанными с традиционным боярством родственными, клановыми и прочими узами.

Но если общая картина взаимоотношений внутри Думы вырисовывается довольно отчетливо, то относительно состава и способов пополнения прочих чинов государева двора в XVII в. мы до сих пор не имеем ясных представлений. История государева двора XVII в. в целом изучена недостаточно, хотя в последнее время сделаны заметные шаги в этом направлении⁸. Между тем, как известно, представители княжеско-боярских

7. О.Е. Кошелева, *Боярство в начальный период зарождения абсолютизма в России (1645-1682 гг.) : автореф. дисс. ... канд. историч. наук.* М., 1987; О.Е. Кошелева, Государевы пожалования в думные чины при первых Романовых: «новые люди» и «родовитые бояре» // *Государев двор в истории России XV-XVII столетий : Мат-лы междунар. науч.-практич. конф. (30.X-01.XI.2003 г., Александров)*, Владимир : А. Вохмин, 2006, с. 249-267; П.В. Седов, *Закат Московского царства : Царский двор конца XVII века*, СПб. : Дмитрий Буланин, 2006; P. Bushkovitch, *Peter the Great: The Struggle for Power...*; М. Рое, *The Russian Elite in the Seventeenth Century*, vol. 1: *The Consular and Ceremonial Ranks of the Russian "Sovereign's Court" 1613-1713* [Российская элита в 17-ом веке, т. 1. Думные и церемониальные чины государева двора 1613-1713 гг.]; vol. 2, *A Quantitative Analysis of the "Duma Ranks" 1613-1713* [Российская элита в 17-м веке, т. 2. Количественный анализ состава думных чинов 1613-1713 гг.] / With Ol'ga Kosheleva, Russell Martin, and Boris Morozov // *Annales Academiae Scientiarum Fennicae*, Helsinki, 2004 (Humaniora 322-323).

8. Характеристике как думных, так и придворных чинов (в том числе стольников) конца XVII-первой четверти XVIII в. посвящены исследования И.Ю. Айрапетян (И.Ю. Айрапетян 1) *Феодальная аристократия в период становления абсолютизма в России. : автореф. дисс. ... канд. историч. наук.* М., 1988; 2) «Стольники как одна из категорий феодальной аристократии в 80-х гг. XVII в. : по материалам боярских списков» // *Вестник Московского университета*, сер. 8 : История, 1980, № 6, с. 67-80). Стольники патриарха Филарета как особый чин государева двора исследованы в работе Е.Ю. Люткиной (Е.Ю. Люткина, Стольники патриарха Филарета в составе двора Михаила Романова : 1619-1633 // *Социальная структура и классовая борьба в России XVI-XVIII вв. : сб. статей.* М. : Ин-т истории СССР, 1988, с. 97-114). Общие представления о численности,

и видных придворных родов несли службу не только в думных, но и в других чинах государева двора и со временем определенная их часть (в силу своего происхождения, по достижении определенного «боярского» возраста, при наличии благоприятной придворной конъюнктуры и т.д.) попадала в Думу.

Как складывались взаимоотношения между различными группами (выходцами из «боярских» и «дворянских» родов) внутри прочих, недумных чинов двора? В какой мере выводы, полученные современными исследователями думской элиты, применимы к другим, «московским», чинам государева двора? Рассмотрение этих вопросов представляется особенно важным в связи с существенными переменами, которые происходили в составе дворовых (прежде всего, «московских») чинов на протяжении XVII в. Если накануне Смуты, в конце XVI-начале XVII в., в составе московских чинов государева двора, как и в Думе, решительно преобладали представители княжеско-боярской знати (доля знати среди стольников составляла свыше 90%, среди московских дворян – более 75%, а среди стряпчих – 60%) и комплектование дворовых чинов осуществлялось строго в соответствии с происхождением служилого человека, по принципу семейной преемственности⁹, то в дальнейшем, в годы Смуты и в послесмутное время происходит интенсивное выдвижение при дворе представителей уездного дворянства. Наблюдается значительный рост численности московских чинов дворянства за счет выходцев из новых, неродословных «дворянских» родов, которые количественно начинают решительно преобладать здесь над представителями княжеско-боярских фамилий¹⁰. Можно ли рассматривать данные явления как свидетельство вытеснения при дворе боярской знати «дворянством»? Приводило ли интенсивное проникновение в состав традиционно аристократических московских чинов выходцев из новых дворянских родов к разрушению традиционной, основанной на местничестве и родстве, системы служилых чинов? Каковы были пути и способы попадания новых людей в состав столичного дворянства, в какой мере осуществлялась интеграция новых дворянских родов в традиционную систему придворных отношений, какую роль играли здесь факторы родства и личных связей?

Ответ на поставленные вопросы можно получить лишь путем детального анализа персонального состава дворовых чинов и конкретных обстоятельств их пополнения.

составе и структуре чинов государева двора XVII в. даются в коллективной монографии «Правящая элита Русского государства» (*Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII вв.*, с. 308–373, 407–459. – Авторы соответствующих разделов А.П. Павлов и П.В. Седов). Весьма ценный справочник о персональном составе государева двора по боярским спискам 1645–1667 гг. составил М.Р. Белоусов (М.Р. Белоусов, *Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник.*, т. 1–2. Казань, Институт истории АН РТ, 2008–2009).

9. Павлов, *Государев двор*, с. 109–117.

10. *Правящая элита Русского государства IX-начала XVIII в.*, с. 324–325, 328–337.

В качестве примера рассмотрим состав и способы комплектования в годы царствования Михаила Романова чина стольников, традиционно наиболее аристократического московского чина, служившего важным резервом пополнения Думы¹¹. Основное внимание нами будет акцентироваться на вопросе о путях попадания в состав стольников представителей новых, неаристократических родов, поскольку вхождение в этот чин выходцев из аристократии было «естественным», обусловленным вековой традицией¹².

Изменение численности стольников в 1605-1645 гг.

Накануне Смуты в чине стольников служило немногим более 70 человек¹³. И.О. Тюменцев отметил значительный рост числа стольников уже в Смутное время. По его подсчетам, к концу царствования Лжедмитрия I численность стольников достигла 138 человек (т.е. по сравнению с досмутным временем увеличилась почти вдвое), а численность стольников при дворе Василия Шуйского в последние месяцы его царствования составляла 104 человека (часть стольников служила в тот период Тушинскому Вору)¹⁴.

В начале царствования Михаила Федоровича, в 1615/1616 г., по нашим подсчетам, в стольниках служило около 130 (128) человек. В последующие годы происходит неуклонное возрастание численности представителей этого чина. В боярском списке 1626 г. упоминается уже 215 представителей данного чина; в боярском списке 1628 г. значится 234 стольника, в списке 1629 г. –

11. По нашим данным, из 26 лиц, пожалованных в годы царствования Михаила Федоровича непосредственно в высший думный чин боярина, 14 человек были произведены в бояре из стольников (кн. Афанасий Федорович Лобанов-Ростовский, Борис и Глеб Ивановичи Морозовы, Иван Васильевич Морозов, кн. Иван Иванович Меньшой Одоевский, кн. Никита Иванович Одоевский, кн. Дмитрий Михайлович Пожарский, кн. Борис Александрович Репнин, Борис Михайлович Салтыков, кн. Юрий Андреевич Сицкий, кн. Юрий Яншеевич Сулешов, кн. Иван Федорович Трокуров, кн. Дмитрий Мамстрокович Черкасский, кн. Иван Борисович Черкасский) и 12 человек – из дворян московских (кн. Иван и Андрей Андреевичи Голицыны, Петр Петрович Головин, кн. Иван Никитич Меньшой Одоевский, кн. Петр Александрович Репнин, кн. Алексей Юрьевич Сицкий, кн. Андрей Васильевич Сицкий, кн. Андрей Васильевич Хилков, кн. Иван Андреевич и Иван Федорович Хованские, Василий и Иван Петровичи Шереметевы). Следует при этом отметить, что из 12 человек, пожалованных в бояре из московских дворян, практически все до своего производства в чин московского дворянина служили в стольниках (мы не располагаем определенными сведениями о чиновном положении П.П. Головина и кн. А.В. Хилкова до их производства в московские дворяне).

12. О составе и происхождении стольников в XVI – начале XVII в. см.: В.Д. Назаров, О структуре «государева двора» в середине XVI в. // *Общество и государство феодальной России*, М.: Наука, 1975, с. 52; А.Л. Станиславский, *Труды по истории государева двора в России XVI-XVII веков*, М.: Изд. центр РГГУ, 2004, с. 122-123; Павлов, *Государев двор*, с. 109-111. – В настоящей статье мы специально не рассматриваем вопросы, связанные с характером служебной деятельности стольников и их материальным положением.

13. Павлов, *Государев двор*, 109.

14. И.О. Тюменцев, *Смутное время в России начала XVII столетия : движение Лжедмитрия II*, М.: Наука, 2008, с. 346-347, 598-603.

258 стольников, в списке 1630 г. – 288, в списке 1630/1631 г. – 283, в списке 1638 г. – 371, в списке 1640 г. – 383, в списке 1642 г. – 350, в списке 1644 г. – 348. Таким образом, за период царствования Михаила Федоровича (с 1613 г.) численность стольников увеличивается почти в 3 раза, а по сравнению с досмутным временем число стольников возрастает примерно в 5 раз.

Изменение генеалогического состава Положение старинных княжеско-боярских родов

С увеличением численности стольников происходило и существенное изменение их генеалогического состава – в число стольников вошло немало представителей новых фамилий, не принадлежавших к аристократическому слою и не служивших ранее в московских чинах. В первой половине XVII в. наблюдалось заметное сокращение доли представителей старинной знати XVI в. в общем составе стольников¹⁵. Всего за время царствования Михаила Федоровича мы встречаем упоминания примерно о 700 стольниках, представителях 186 фамилий¹⁶. Из них лишь 290 чел. (41,5%), представителей 60 фамилий (32%

15. О критериях выделения круга знатных, аристократических «боярских» родов из прочих «дворянских» родов для XVI – начала XVII в. см.: Павлов, *Государев двор*, с. 14-18 (сознаем известную условность данного выделения).

16. Сведения о персональном составе стольников и других чинов государева двора первой половины XVII в. приводятся нами главным образом на основе анализа данных боярских списков (Обзор боярских списков 20-х-40-х гг. XVII в. см.: А.Л. Станиславский, Боярские списки в делопроизводстве Разрядного приказа // *Актовое источниковедение: сб. статей*. М.: Наука, 1979, с. 123-152; А.П. Павлов, Боярские списки 30-40-х гг. XVII в. // *Россия XV – XVIII столетий: сб. науч. статей*, Волгоград; СПб.: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2001, с. 136-185. – Публикации боярских списков см.: *Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г.*: в 2 ч. / подг. к печ. С.П. Мордвиной и А.Л. Станиславским, М.: ЦГАДА, 1979; Боярский список 1606-1607 гг. // *Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601-1608: Сб. док-тов*, М.: Наука, 2003. № 39, с. 132-156; Боярский список 1610/1611 гг. // *Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете* (далее – ЧОИДР), М., 1909, кн. III, отд. I, с. 73-103; Боярский список 1626 г. // ЧОИДР, 1909, кн. III, отд. III, с. 104-142; Г.В. Жаринов, Боярский «подлинный» список 7152 (1643/44) года // *Архив русской истории* (М.), вып. 8, 2007, с. 382-483) и боярских книг (Боярская книга 1615/1616 г. // *Акты Московского государства*, т. I, СПб., 1890, № 108, с. 138-147; *Боярская книга 1627 г.*, М.: Ин-т истории СССР, 1986; *Боярская книга 1639 года*, М.: Ин-т рос. истории РАН, 1999; РГАДА, ф. 210. Боярские книги, № 2: Боярская книга 1629 г.; Там же, № 3: Боярская книга 1636 г.; РГАДА, ф. 210. Столбцы Московского стола, № 62: Боярская книга 1630 г., л. 1-257). Используются также данные земляного боярского списка 1613 г. (ЧОИДР, 1895, кн. I, отд. I, с. 1-24), Списка московских осадных сидельцев 1618 г. (Осадный список 1618 г. / сост. Ю.В. Анхимюк и А.П. Павлов // *Памятники истории Восточной Европы: Источники XV-XVII вв.*, т. VIII, М.; Варшава: Древлехранилище, 2009), разрядных книг (*Дворцовые разряды* (далее – ДР), т. 1-2, СПб., 1850-1851; Н.Н. Голицын, *Указатель имен личных, упоминаемых в Дворцовых разрядах*, СПб., 1912; *Книги Разрядные по официальным оных спискам*, т. 1-2, СПб., 1853-1855; *Указатель собственных имен и предметов к I и II тому Книг разрядных*, СПб., 1856; *Разрядные книги 1598-1638 гг.*, М.: Ин-т истории СССР, 1974; *Разрядная книга 1550-1636 гг.*, т. II, вып. 1-2, М.: Ин-т истории СССР, 1976; *Разрядная книга 1637-38 года*, М.: Ин-т истории СССР, 1983), кормленных и приходе-расходных книг четвертей (Л.М. Сухотин, *Четвертьчики Смутного времени: 1604-1617*, М., 1912; *Кормленая книга*

от общего числа фамилий), принадлежали к старинной княжеско-боярской аристократии досмутного времени¹⁷. К кругу аристократии примыкали пожалованные в двор выходцы из татарской знати, занимавшие высокое местническое положение, – князья Сулешевы (2 чел.), Урусовы (5), Шейдяковы (3), Исуповы (3), Иштерековы (1), Куликовы (1), Кутумовы (2), Смайлевы (3), Урмаметевы (2), Шейсуповы (3), всего 25 человек. Всего к родовой княжеско-боярской аристократии принадлежало 315 человек, т.е. немногим менее половины (45%) всех стольников, служивших в царствование Михаила Федоровича. Прочие стольники (383 человек, представители 116 родов) принадлежали к новым, не входившим в круг аристократии XVI в. фамилиям¹⁸. Представители большинства

Костромской чети 1613-1627 гг. // *Русская историческая библиотека* /далее – РИБ/, т. 15, ч. II, СПб., 1894; Расходная книга Устюжской чети 1618/19 г. // *РИБ*. М., 1912, т. 28. Стб. 683-752; Расходная книга Устюжской чети 1619/20 г. // *Приходо-расходные книги Московских приказов 1619-1621 гг.* М.: Наука, 1983, с. 142-166).

17. Кн. Бахтеяровы-Ростовские (1 чел.), Борисовы-Бороздины (1), кн. Буйносовы-Ростовские (3), Бутурлины (19), Вельяминовы (6), кн. Воротынские (1), кн. Гагины-Великие (2), Годуновы (9), кн. Голицыны (3), Голвины (10), кн. Долгорукие (14), кн. Засекины (и Засекины-Жировые, и Засекины-Солнцева) (9), кн. Звенигородские (5), Карповы-Долматовы (2), кн. Катыревы-Ростовские (1), кн. Кашины (2), Колычевы (15), кн. Куракины (5), кн. Лобановы-Ростовские (6), кн. Лыковы (3), кн. Лыковы-Белоглазовы (1), кн. Мезецкие (3), Морозовы (3), кн. Мосальские (8), кн. Одоевские (4), Плещеевы (32), кн. Пожарские (6), кн. Приемковы-Ростовские (2), кн. Прозоровские (4), кн. Пронские (4), кн. Репнины (4), Романовы-Юрьевы (1), кн. Ромодановские (10), кн. Ростовские (3), Сабуровы (6), Салтыковы (6), Селунские (2), кн. Сицкие (2), кн. Татевы (5), кн. Телятские (1), кн. Темкины-Ростовские (1), Траханиотовы (4), Третьяковы-Головины (1), кн. Троекуровы (2), кн. Тростенские (2), кн. Трубецкие (1), кн. Туренины (2), кн. Тюменские (1), кн. Тюфякины (3), кн. Хворостинины (2), кн. Хилковы (9), кн. Хованские (4), кн. Черкасские-Ахамашуковы (1), кн. Черкасские (5), кн. Черкасские-Егуповы (2), Шеины (1), Шереметевы (8), кн. Щепины (1), кн. Щербатовы (15), кн. Шетинины (1).

18. Акинфовы (1), Аксаковы (3), Алферьевы-Нашокины (2), Алябьевы (1), Бегичевы (1), Безобразовы (3), Бельские (1), Биркины (2), Боборыкины (4), Борецкие (отец – Киевский митрополит Иов Борецкий) (1), кн. Борятинские (6), Бояшчевы (1), Булатниковы (1), Васильчиковы (1), Вельяминовы-Воронцовы (4), Вердеревские (1), Воейковы (4), Волковы (1), кн. Волконские (19), Волынские (14), кн. Вяземские (1), Гавреневы (1), кн. Гагарины (4), Глебовы (3), Голенищевы (1), Голохвастовы (1), кн. Горчаковы (2), Грязново (1), Давыдовы (1), Дашковы (2), кн. Дашковы (3), кн. Деевы (1), Деремонтовы (1), Дмитриевы (1), Дубровские (1), кн. Елецкие (4), Еропкины (1), Жеребцовы (3), Заболоцкие (1), Загряжские (1), Зубовы (1), Зюзины (2), Измайловы (19), Исленьевы (2), Карамышевы (1), кн. Касаткины-Ростовские (1), Кафтыревы (1), Квашнины (7), Клешнины (1), кн. Козловские (5), Кокоревы (2), Кологривовы (2), Колтовские (9), Комынины (3), кн. Коркодиновы (4), Коробьины (3), Крабовы (1), кн. Кропоткины (1), Кузьмины-Короваевы (4), Ласкиревы (1), Леонтьевы (10), Лихаревы (2), Лихачевы (3), Лодыгины (8), Лодыженские (4), Луговские (1), кн. Львовы (28), Ляпуновы (3), Матюшкины (2), Милославские (1), Милюковы (4), Михалковы (2), Михневы (1), кн. Морткины (1), Нагие (8), Наумовы (3), Нашокины (5), Несвицкие (1), Нечаевы (1), Новосильцевы (2), кн. Оболенские-Черные (3), Образцовы (2), Огарковы (1), Одоуровы (1), Опухтины (1), Панины (1), Племянниковы (2), Погожие (4), Полевы (3), Простевы (2), Протасьевы (1), Пушкины (13), Ржевские (1), Скуратовы (1), Собакины (8), Совины (5), Стрешневы (20), Сукины (2), Сумины (1), Татищевы (4), Тепленевы (2), Толочановы (5), Толстые (1), Травнины (3), Ушаковы (1), Фефилатьевы (2), Хитрово (1), Хрушчевы (2), Чемодановы (2), Чепчуговы (3), Чоглоковы (2), кн. Шаховские (10), Юшковы (5), Языковы (1), Яковлевы (1), Яновы (1).

из этих родов (75 из 116, то есть около 2/3) до Смуты не служили не только в стольниках, но и в столичных чинах (стряпчих и московских дворянах) вообще.

Однако, несмотря на произошедшие изменения, представители старинных княжеско-боярских родов продолжали занимать в составе стольников довольно прочные позиции. Следует отметить, что и в XVII веке продолжали действовать те общие принципы пополнения состава дворовых чинов, которые определились еще в XVI в. – комплектование состава чинов государева двора в значительной степени происходило по принципу семейной преемственности (согласно происхождению, «отечеству» служилого человека), что значительно препятствовало проникновению во двор людей новых, случайных. В годы царствования Михаила Федоровича сразу в чине стольника начинали службу при дворе преимущественно представители наиболее знатных княжеских и старомосковских боярских родов. Выходцы же из второстепенной знати и новых «дворянских» родов (за исключением родственников думных людей и виднейших придворных) жаловались этим чином лишь после прохождения службы в более низших чинах двора (в основном стряпчих, а также жильцах). Таким образом, и в послесмутное время княжеско-боярская знать сохраняла за собой привилегию на преимущественное вхождение в состав высшего московского чина стольников.

Новая знать

В рассматриваемое нами время происходило пополнение старой боярской знати новыми родами, представители которых начинают выдвигаться в Думу и утверждаться в боярской среде – кн. Волконские, Волинские, Измайловы, кн. Львовы, Нагие, Пушкины, Стрешневы. Утверждение этих родов в правящей боярской среде сопровождалось активным продвижением их представителей и в высший московский чин стольников.

В годы Смуты (со времени царствования Лжедмитрия I) в круг боярской элиты выдвигается род Нагих, представители которых жалуются в высшие думные чины бояр и окольничих, а младшие члены рода начинают активно проникать в состав высшего придворного чина стольников. Всего при царе Михаиле Федоровиче в стольниках служили 8 членов этой фамилии. Благодаря нахождению в составе элиты двора Нагие обзаводятся важными придворными связями. Родные сестры стольников Алексея и Василия Ивановичей Нагих, Прасковья и Анна, были женами соответственно «первого» думного боярина кн. Федора Ивановича Мстиславского и видного придворного – кравчего кн. Василия Яншеевича Сулешова. Брат последнего боярин кн. Юрий Яншеевич Сулешов был женат на родной сестре Бориса и Михаила Михайловичей Салтыковых, виднейших лиц в правительстве начала царствования Михаила

Романова. Нагие состояли в близких отношениях с таким видным придворным, как боярин и дворецкий кн. Алексей Михайлович Львов¹⁹.

В первой половине XVII в. происходит заметное возвышение князей Волконских, вхождение представителей этого захудалого в XVI в. княжеского рода в Боярскую думу. В царствование Михаила Федоровича в Думу были пожалованы двое представителей рода Волконских – князя Григорий Константинович и Федор Федорович. Происходило и активное выдвижение Волконских в состав московских чинов, в том числе в стольники (всего в стольники при царе Михаиле было пожаловано 19 представителей рода). Надо заметить, что до Смуты никто из Волконских не служил в стольниках; лишь один представитель рода, кн. Андрей Романович, дослужился до чина московского дворянина, остальные же Волконские служили тогда при дворе в жильцах и выборных городских дворянах.

В первой половине XVII века начинает утверждаться в боярской среде род Волынских, представители которого входят в Боярскую думу²⁰. Наблюдается и активное выдвижение рода в состав московских чинов. Если до Смуты часть представителей рода Волынских служила в рядах выборного городского дворянства, то в царствование Михаила Романова Волынские служат уже исключительно в московских чинах, в том числе 14 членов рода – в составе стольников. В первой половине XVII в. Волынские активно обзаводятся связями с видными придворными Морозовыми, Шереметевыми, Прозоровскими, Долгорукими, кн. Львовыми, «комнатными» людьми Толочановыми.

В XVII в. в состав боярской знати выдвигаются Измайловы. Прежде, до Смуты, в конце XVI – начале XVII в., многочисленные представители этого рода служили преимущественно в выборных городских дворянах и в жильцах. В годы Смуты начинается заметное возвышение Измайловых при дворе. В Думу (сначала в думные дворяне, а затем в окольничие) попадает Артемий Васильевич Измайлов, служивший до 1605 г. в чине выборного дворянина по Рязани. Его сородичи начинают проникать в московские чины, в том числе в стольники. После Смуты происходит дальнейшее продвижение рода при дворе – уже все его представители служат в столичных чинах, в том числе в высшем московском чине – в стольниках. Всего в годы царствования Михаила Федоровича при дворе в стольниках служило 17 представителей рода Измайловых. Приближенные ко двору Измайловы обзаводятся важными придворными связями. Так, Григорий Васильевич Измайлов выступал в качестве одного из послухов на рядной 1626 г. вдовы окольничего Никиты Васильевича Годунова Анны Ивановны, дочери Ивана Филипповича

19. *Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря* (далее – *Троицкая вкладная*), М.: Наука, 1987, с. 71. – Известно, что боярин кн. А. М. Львов был женат на представительнице рода Нагих.

20. Веселовский, *Исследования по истории класса служилых землевладельцев*, с. 286.

Стрешнева и сестры видного придворного Василия Ивановича Стрешнева²¹, что свидетельствует об определенной его близости к клану Стрешневых. Дочь Ивана Васильевича Измайлова Мария Ивановна была замужем в 1-м браке за комнатным стольником Федором Алексеевичем Сицким, а во втором – за кн. Михаилом Михайловичем Темкиным-Ростовским²². Лев Тимофеевич Измайлов выступал в качестве душеприказчика Прокофия Васильевича Кوروبина²³, представителя рода, близкого к Морозовым.

В XVII в. стремительно возвышаются при дворе и входят в круг боярской знати князья Львовы, захудалый род Ярославских князей, представители которого до Смуты не поднимались выше чинов выборных городских дворян и жильцов. В первой половине XVII в. выдающуюся карьеру при дворе сделал кн. Алексей Михайлович Львов. Сын обычного городского сына боярского²⁴, кн. А.М. Львов достигает к концу царствования Михаила Федоровича высшего думного чина боярина и высшего придворного чина дворецкого. Ярким показателем возвышения рода при дворе могут служить пожалования многих его представителей в стольники. Всего в стольники при царе Михаиле, начиная с 1620-х гг., было пожаловано 27 представителей кн. Львовых, из них 10 человек были пожалованы в стольники сразу, минуя службу в других чинах двора. В числе первых, в 1620-х гг., были пожалованы в стольники родные племянники кн. А.М. Львова – князья Дмитрий, Василий, Семен и Иван Петровичи Львовы, которые сделали особенно успешную карьеру при дворе. Последний стал комнатным стольником царя Михаила, а трое первых впоследствии, при царе Алексее Михайловиче, были пожалованы в окольничие и бояре.

Еще до Смуты и в Смутное время в Думу в качестве думных дворян попадают отдельные представители рода Пушкиных – Евстафий и Иван Михайловичи и Гаврила Григорьевич (думный дворянин и сокольничий) Пушкины. Однако в составе боярской знати Пушкины утверждаются лишь в царствование первых Романовых, когда из их среды в Думу выдвигаются окольничие и бояре. В годы царствования Михаила Федоровича чин окольничего получил Никита Михайлович Пушкин (в 1619 г.); думным дворянином, затем окольничим (1644 г.), а в царствование Алексея Михайловича боярином и оружничим становится Григорий Гаврилович Пушкин; чином окольничего в начале царствования Алексея Михайловича были пожалованы Борис Иванович

21. *Летопись Историко-родословного общества в Москве* (М.) (далее – ЛИРО), вып. 1-2, 1911, с. 27.

22. А.Б. Лобанов-Ростовский, *Русская родословная книга*, т. II, СПб., 1875, с. 217; *Писцовые книги Рязанского края XVI и XVII вв.*, т. I, вып. 3, Рязань, 1904, с. 88.

23. *Троицкая вкладная*, с. 139.

24. Имени отца А.М. Львова, – кн. Михаила Даниловича Львова, – мы вовсе не встречаем в списках двора XVI – начала XVII в. В качестве выборного дворянина по Галичу в боярских списках 1588/1589 и 1602/1603 гг. значился его родной дядя кн. Матвей Данилович Львов. Сам А.М. Львов начинал службу при дворе в скромном чине жильца (с 1604 г.).

(1646 г.) и Степан Гаврилович (1648 г.) Пушкины. Утверждение Пушкиных в Боярской думе отразилось и на положении рода в других чинах государева двора. Если до Смуты многочисленные представители рода служили при дворе преимущественно в выборных городских дворянах и жильцах и лишь некоторые из них дослуживались до чинов московского дворянина и стряпчего, то в годы царствования Михаила Федоровича Пушкины служат преимущественно в московских чинах, 13 представителей рода получили чин стольника.

После бракосочетания царя Михаила Федоровича с Евдокией Лукьяновной Стрешневой (1626 г.) в состав правящей боярской элиты входит родня царицы Стрешневы, многочисленные представители которых жалуются высшими думными чинами бояр и окольничих. Происходит и активное выдвижение Стрешневых, ранее в основной массе своей служивших в рядах городского дворянства, в состав московских чинов. В 1626-1645 гг. из состоявших при дворе 37 Стрешневых лишь Акинфий Константинович, имя которого мы не встречаем в родословной Стрешневых, служил в низшем московском чине жильца, все же остальные служили в думных и высших московских чинах; 20 членов рода служило в чине стольников, в том числе в комнатных стольниках царя Михаила, стольниках царевича Алексея Михайловича и стольниках царицы Евдокии Лукьяновны. Правда, еще до 1626 г. успешную карьеру при дворе сделали представители можайской ветви²⁵ рода Стрешневых: Иван Филиппович Стрешнев, служивший в дьяках в особом «дворе» Ивана IV и бывший в опале при Борисе Годунове, в годы Смуты становится сначала думным дьяком, а затем – думным дворянином, а его сын Василий Иванович Стрешнев в начале царствования Михаила Федоровича был приближен ко двору и попал в круг особо доверенных комнатных людей – спальников (вначале как комнатный стряпчий, а затем – комнатный стольник). Пожалование В.И. Стрешнева в «комнату» было обусловлено его связями с романовским кругом. Он был близок к Исаку Семеновичу Погожеву (выступил в качестве душеприказчика в его духовной)²⁶, сестра которого Ульяна была женой боярина Александра Никитича Романова, а его отец Семен Борисович Погожий в 1587 г. был послухом в духовной Андрея Тимофеевича Михалкова, представителя рода, связанного родством с матерью царя Михаила старицей Марфой Ивановной, а также с влиятельнейшими деятелями начала царствования Михаила Федоровича – Салтыковыми²⁷.

Утверждение в Думе и в среде боярской знати в послесмутный период новых родов (кн. Волконских, Волынских, Измайловых, кн. Львовых,

25. Царица Евдокия Лукьяновна принадлежала к ветви рода, представители которой служили по городу Мещовску.

26. *Кормовая книга Калязина монастыря*, Тверь, 1892, с. 22.

27. Из архива Михалковых // *Старина и новизна* (М.), кн. 17, 1914, с. 15. – О родственных связях Михалковых см.: О.В. Щербачев, О родстве Салтыковых с Михаилом Федоровичем Романовым // *ЛИРО* (М.), вып. 3 (47), 1995, с. 62-67.

Нагих, Пушкиных, Стрешневых) способствовало прохождению в высший придворный чин стольника и их многочисленных родственников. Действительно, эти 7 новых родов выдвинули при царе Михаиле в стольники 121 человека, тогда как 85 родов старой аристократии и татарской служилой знати выдвинули в стольники при царе Михаиле 315 чел. (лишь в 2,6 больше). С другой стороны, многочисленные пожалования представителей этих новых родов в состав традиционно аристократического придворного чина стольников может служить дополнительным свидетельством их утверждения и закрепления в кругу правящей боярской элиты в первой половине XVII в.

Всего на долю представителей старой родовой аристократии XVI в., ногайской знати и родов новой знати, начавшей утверждаться в боярской среде в первой половине XVII в., приходилось почти две трети всех стольников, служивших в период царствования Михаила Федоровича (436 человек из 698, т.е. 62,46%). Данное обстоятельство свидетельствует о том, что стольники по своему составу и в первой половине XVII в. продолжали оставаться в целом аристократическим чином государева двора и комплектование чина стольников в значительной степени происходило по принципу происхождения, принадлежности рода к правящей боярской среде.

Однако и прочие стольники царя Михаила Романова являлись отнюдь не случайными лицами в составе придворной элиты.

Родня думных людей и придворных неаристократического происхождения

В стольники попадали сыновья и другие родственники лиц, получивших благодаря близости к царской семье, придворным связям и личной выслуге думные и придворные чины. Среди стольников мы видим сыновей окольного Алексея Ивановича Зюзина – Григория и Никиту Алексеевичей Зюзиных. В стольники были пожалованы сын окольного Василия Григорьевича Коробьина Прокофий, а также его племянник Семен Семенович и троюродный брат Дмитрий Федорович Коробьины. В стольники попал сын видного придворного, думного дворянина, а затем окольного Степана Матвеевича Проестева Иван. В стольниках служили сыновья и родственники думных дьяков – сын Ивана Афанасьевича Гавренева Иван, сын Федора Федоровича Лихачева Федор и его двоюродные племянники Петр и Данила Богдановичи Лихачевы, сын Томили Юдича Луговского Иван, племянники Ефима Григорьевича Телепнева Степан и Юрий Васильевичи Телепневы. В стольники жаловали и сыновей лиц, носивших особые придворные должности. В чине стольников в царствование Михаила Федоровича служили сыновья стряпчего с ключом, а затем постельничего Кузьмы Осиповича Безобразова – Василий и Яков; сыновья ясельничего Богдана Матвеевича Глебова – Матвей, Никита и Федор; сыновья постельничего Степана Лукьяновича Хрущева – Семен и Трофим; сыновья стряпчего с ключом Ивана

Ивановича Чемоданова – Осип и Иван, сын казначея и думного дворянина Богдана Минича Дубровского Тимофей. В стольниках служил пожалованный затем в московские ловчие Иван Федорович Леонтьев, представитель фамилии, близкой к семье Романовых. В числе стольников царя Михаила мы встречаем его сына Федора и родных братьев – Замятню, Павла и Никифора Федоровичей, а также ряд других представителей рода Леонтьевых. Замятня Федорович Леонтьев впоследствии, при царе Алексее Михайловиче, стал думным дворянином.

В стольники в начале царствования Михаила Федоровича был пожалован сын видного деятеля Смуты, постельничего царя Василия Шуйского – Иваниса Григорьевича Ододурова – Борис²⁸. В стольниках при царе Михаиле Федоровиче служил Ларион Григорьевич Сумин, выходец из тверского служилого рода, сделавший карьеру при дворе в годы царствования Василия Шуйского, при котором был «стряпчим в комнате у крюка», т.е. комнатным стряпчим, а затем, к 1611 г., получил чин стольника (при Василии Шуйском был, возможно, комнатным стольником)²⁹.

Среди стольников царя Михаила Романова мы встречаем выходцев из дворянских родов, представители которых еще при Иване IV, Федоре Ивановиче и Борисе Годунове благодаря придворной службе были пожалованы особыми придворными и думными чинами (Алферьевы-Нащокины, Безобразовы, Бельские, Жеребцовы, Зюзины, Клешнины, Татищевы). Немало стольников рассматриваемого времени происходило из видных дворянских фамилий, представители которых еще до Смуты достигали московских чинов³⁰. Это были, как правило, либо родословные служилые фамилии, записанные в Государев родословец (Аксаковы, кн. Борятинские, Вельяминовы-Воронцовы, Дмитриевы-Мамоновы, кн. Елецкие, Жеребцовы, Ласкиревы, Лодыгины, Новосильцевы, Ржевские, кн. Шаховские), либо фамилии, выдвинувшиеся благодаря службе в опричнине, особом «дворе» Ивана IV и близости ко двору Бориса Годунова (Васильчиковы, кн. Вяземские, Грязные, Исленьевы, Клешнины, Милюковы, Нащокины, Полевы, Совины, а также упомянутые выше Алферьевы, Безобразовы, Бельские, Зюзины, Клешнины и Татищевы). В стольниках царя Михаила мы видим представителей неродословной, но весьма видной при дворе фамилии Сукиных, члены которой в XVI-XVII вв. не раз бывали в Думе.

28. И.О. Тюменцев, Список сторонников царя Василия Шуйского : (Новая находка в Шведском государственном архиве) // *Археографический ежегодник за 1992 год* (М.), 1994, с. 318.

29. *Народное движение в России в эпоху Смуты*, с. 136; Тюменцев, *Список сторонников царя Василия*, с. 318; ЧОИДР, 1909, кн. III, отд. I, с. 82.

30. О персональном и фамильном составе московских чинов (стольников, стряпчих и дворян московских) в конце XVI – начале XVII в. см.: Павлов, *Государев двор*, с. 109-117.

Комнатные стольники

В годы царствования Михаила Федоровича наблюдается заметное усиление значения «комнатной» службы. Это обстоятельство отразилось и на пополнении состава стольнического чина.

В рассматриваемое время происходит процесс формирования ближних, «комнатных» стольников («спальников») как определенной привилегированной группы внутри двора, хотя они еще не обособились полностью от прочих стольников и не оформились в особый чин государева двора – в боярских списках они не выделялись из общего состава стольников, писались вместе с ними под общей рубрикой «Стольники» без каких-либо помет о службе в «комнате»³¹.

Комнатные стольники принадлежали к высшей придворной элите двора. Почти у половины известных нам представителей этой группы (16 человек из 34) отцы состояли в боярах. С другой стороны, комнатные стольники являлись важным резервом пополнения состава Боярской думы. Из 34 известных нам имен комнатных стольников царя Михаила Федоровича подавляющее большинство – 21 человек – были пожалованы впоследствии в высшие думные чины бояр и окольничих.

Среди комнатных стольников не было людей случайных. В их составе заметное место занимали представители родов, имевших родственные и традиционные клановые связи с семьей Романовых – кн. Сицкие, кн. Репнины, Шереметевы, Долматовы-Карповы³². Мы видим здесь и представителя самого правящего романовского рода – двоюродного брата царя Михаила Никиту Ивановича Романова. К кругу царских родственников и свойственников принадлежали комнатные стольники кн. Иван Федорович Троекуров, женатый на дочери Никиты Романовича Юрьева Анне (родной тетке царя Михаила), кн. Алексей Иванович Воротынский, женатый на дочери Ивана Никитича Романова Марфе (двоюродной сестре Михаила Федоровича). В комнатные стольники попали князья: Никита Иванович Одоевский, зять боярина Федора Ивановича Шереметева; кн. Василий Яншеевич Сулешов, который был крестником боярина кн. Ивана Борисовича Черкасского³³, а его брат Юрий был женат на дочери окольничего Михаила Михайловича Салтыкова, родственника матери царя Михаила старицы Марфы Ивановны; кн. Яков Куденетович Черкасский, родня которого имела тесные связи с романовской семьей. В комнатные стольники производятся родственники жены царя Михаила Стрешневы – родной брат царицы Евдокии Семен Лукьянович и ее двоюродные братья Иван Большой и Иван Меньшой

31. Подробнее о комнатных стольниках первой половины XVII в. см.: А.П. Павлов, Комнатные стольники царя Михаила Романова // *Времена и судьбы: сб. статей в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха*, СПб.: Европейский Дом, 2006, с. 73-96.

32. Павлов, *Государев двор*, с. 73-74.

33. РГАДА, ф. 396, оп. 2, кн. 205, л. 317-320.

Федоровичи. Впрочем, в «комнату» еще до женитьбы Михаила Федоровича на Евдокии Лукьяновне, как мы видели выше, попадает представитель рода Стрешневых – В.И. Стрешнев. В числе комнатных стольников мы встречаем и родственника первой жены царя Михаила Марии Владимировны (Долгорукой) – ее двоюродного брата Богдана Федоровича Долгорукова. В начале царствования Михаила Федоровича в состав комнатных стольников были введены сородичи Салтыковых – Борис и Глеб Ивановичи Морозовы, ставшие влиятельнейшими придворными. Будучи еще комнатным стольником, Б.И. Морозов являлся воспитателем (дядькой) царевича Алексея Михайловича³⁴. Первой женой Г.И. Морозова была дочь кн. Алексея Юрьевича Сицкого Авдотья, происходившая из родственной и близкой к Романовым фамилии³⁵. Среди комнатных стольников мы видим кн. Ивана Андреевича Голицына, родная тетка которого Евдокия Ивановна, дочь боярина Ивана Юрьевича Голицына, была женой боярина Александра Никитича Романова³⁶. В комнатные стольники был зачислен Василий Васильевич Бутурлин, ставший впоследствии боярином и известным дипломатом. Его мать Екатерина Ивановна, дочь Ивана Воейкова и жена Василия Матвеевича Бутурлина, была верховой боярыней царицы Евдокии Лукьяновны³⁷. С начала царствования Михаила Федоровича в «комнате» подвизаются братья Лев и Иван Афанасьевичи Плещеевы, представители младшей, захудалой ветви рода. Их родные дядья Степан и Федор Никитичи, а также, очевидно, отец в конце XVI в. служили по Новгороду³⁸ и в состав государева двора не входили. В 1602/1603–1604 гг. братья Л.А. и И.А. Плещеевы служили в жильцах³⁹. Л.А. Плещеев сделал стремительную карьеру в Смутное время. При царе Василии, в 1606/07 г., он дослужился до чина стольника, затем переходит на службу к Лжедмитрию II и получает от него чин кравчего; он был в числе лиц, отъехавших из Тушина под Смоленск к королю Сигизмунду III; пожалован королем обширными вотчинами и поместьями и чином оружничего⁴⁰. Активная служба в годы Смуты, пребывание в высших сферах власти позволили Льву

34. ДР, т. II, стб. 317.

35. *Известия Русского генеалогического общества* (далее – ИРГО), вып. III, СПб., 1909, с. 88.

36. *Кормовая книга Московского ставропигиального Новоспасского монастыря*, М., 1903, с. III.

37. И.Е. Забелин, *Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях*, т. 2, М.: Языки рус. культуры; Кошелев, 2001, с. 389, 390, 395, 502.

38. *Разрядная книга 1475-1598 гг.*, М.: Наука, 1966, с. 389, 483; *Разрядная книга 1475-1605 гг.*, т. III, ч. III, М.: Ин-т истории СССР, 1989, с. 52.

39. *Боярские списки последней четверти XVI-начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г.*, ч. I, с. 196; ч. 2, с. 18.

40. Тюменцев, *Смутное время в России*, с. 590-591; *Полное собрание русских летописей* (далее – ПСРЛ), М.: Наука, 1965, т. 14, с. 94; *Акты, относящиеся к истории Западной России* (далее – АЗР), т. IV, СПб., 1851, с. 325, 348; П.Г. Любомиров, *Очерки истории Нижегородского ополчения 1611-1613 гг.*, М.: Соцэкгиз, 1939, с. 283.

Плещееву обзавестись связями в придворных кругах. Так, он породнился со Степаном Яковлевичем Милюковым, родственником матери царя Михаила старицы Марфы Ивановны⁴¹. В значительной мере этим и объясняется то, что и при новом государе, Михаиле Романове, он продолжал сохранять положение близкого ко двору человека. При дворе Михаила Федоровича с 1613 по 1640/1641 гг. он неизменно исполнял почетные обязанности кравчего и находился в «комнате»; в царских «спальниках» с января 1614 г. упоминается его брат Иван, пожалованный в апреле 1615 г. особым чином кравчего.⁴² В начале царствования Михаила Федоровича в качестве спальника в царской «комнате» как комнатный стряпчий, а затем стольник состоял Федор Михайлович Толочанов. Его отец, Михаил Федорович Толочанов, малоприметный ранее брянский дворянин, стремительно выдвинулся при дворе при Лжедмитрии I. В январе 1606 г. вместе с секретарем Лжедмитрия Яном Бучинским он выполнял ответственное поручение Самозванца – привозил в Краков деньги для царского тестя Юрия Мнишка и его сына (350 тысяч золотых и ценные подарки)⁴³. На свадьбе Лжедмитрия I М.Ф. Толочанов фигурирует уже с придворным чином стряпчего с ключом⁴⁴. По-видимому, еще при Лжедмитрии I завязывались связи семьи Толочановых в высшей придворной и приказной среде. Сын М.Ф. Толочанова Федор, спальник царя Михаила, стал зятем видного думного дьяка Тимофея Андреевича Витовтова⁴⁵. Благодаря родству с матерью царя Михаила в «комнату» в спальники был пожалован Степан Яковлевич Милюков, бабка которого была из рода Шестовых⁴⁶. В числе комнатных стольников царя Михаила упоминается Никифор Сергеевич Собакин, мать которого, Ульяна Степановна Собакина, являлась верховой боярыней, а затем «мамой» (воспитательницей) старшего наследника трона царевича Алексея Михайловича и занимала первенствующее место в иерархии боярынь царицы Евдокии Лукьяновны⁴⁷. Благодаря активной службе, родственным и придворным связям в состав ближайшего окружения царя Михаила вошли представители князей Львовых. Виднейшим из них являлся кн. Алексей Михайлович Львов, о котором речь шла выше. Успешную карьеру при дворе царя Михаила сделали

41. Степан Яковлевич Милюков был тестем его сына – Андрея Львовича Плещеева (РГАДА, ф. 137, Москва, № 2, л. 103).

42. ДР, т. I, стлб. 176.

43. *Дневник Марины Мнишек* : [Дневниковые записи неизвест. поляка, приехавшего в Россию в 1606 г. в свите Марины Мнишек] / пер. В.Н. Козлякова, СПб. : Дмитрий Буланин, 1995, с. 33.

44. С.А. Белокуров, *Разрядные записи за Смутное время : 7113-7121 гг.*, М., 1907, с. 82 – При царе Василии Шуйском М.Ф. Толочанов был лишен чина стряпчего с ключом. В боярском списке 1606/1607 г. он значится (как и до Смуты) в чине выборного дворянина по Брянску с поместьем «Убит» (*Народное движение в России в эпоху Смуты*, с. 153).

45. РГАДА, ф. 1209, кн. 190. л. 248.

46. РГАДА, ф. 1209, кн. 10965, л. 1308 и сл.

47. Забелин, *Домашний быт русских царей*, с. 390.

родные племянники кн. А.М. Львова – князья Дмитрий, Василий, Семен и Иван Петровичи Львовы. Трое первых были пожалованы в Думу в бояре и окольничие, а Иван служил в комнатных стольниках. Благодаря придворным связям и личным способностям в «комнату» был пожалован Богдан Матвеевич Хитрово. В 1635/1636 г., будучи стряпчим, он был пожалован на должность быть «в комнате у крюка», а затем, с 1643 г., находился «в комнате у крюка» как стольник (стал комнатным стольником)⁴⁸. В числе покровителей молодого Б.М. Хитрово источники называют кн. Алексея Никитича Трубецкого, у которого он «еще в самые молодые годы заявил свой разум на службе», а также Б.И. Морозова, в доме которого жила его мать Прасковья Алексеевна⁴⁹.

Мы видим, таким образом, что состав комнатных стольников пополнялся различными путями. В комнатных стольниках служили лица различного возраста, жизненного опыта и происхождения. Эта группа пополнялась представителями как знатных княжеско-боярских (Воротынские, Черкасские, Голицыны, Троекуровы, Сицкие, Морозовы, Шереметевы и др.), так и новых «дворянских» (Стрешневы, Хитрово, Толочановы, Милюковы, Собакины) фамилий, и главным принципом ее комплектования была степень близости к придворным сферам, а не происхождение рода. Рассмотренный выше процесс оформления группы комнатных стольников в царствование Михаила Федоровича являлся одним из важных показателей становления в XVII в. новой придворной аристократии, представителей которой, от знатных князей до выдвиженцев из новых родов, царских родственников и фаворитов, объединяла принадлежность к правящей, связанной с царской семьей группировке.

Стольники царевича, царицы и матери царя

Из представителей родов, близких к царской семье, формировался и состав стольников царевича Алексея Михайловича и царицы Евдокии Лукьяновны⁵⁰.

Среди стольников царевича Алексея⁵¹ значились сыновья видного придворного – комнатного стольника, а затем боярина кн. Н.И. Одоевского

48. *Боярская книга 1639 г.*, с. 68; РГАДА, ф. 210. Столбцы Московского стола, № 216, л. 151-152.

49. Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга // *Утверждение династии: История России и дома Романовых в мемуарах современников XVII-XX*. М.: Фонд Сергея Дубова; РИТА-ПРИНТ, 1997, с. 91; *История о невинном заточении*, М., 1785, с. 385.

50. Будучи ближними, «комнатными» людьми, царевичевы и царицыны стольники, однако, формально не входили в состав государева двора – имена представителей этих чинов не фиксировались боярскими списками.

51. Особых стольников царевичей мы встречаем и в более раннее время. Известно, что своих стольников и свой двор имел сын царя Бориса Годунова царевич Федор (см.: Станиславский, *Труды по истории государева двора*, с. 112, 128, 382, 392, 402).

– Михаил и Федор Никитичи Одоевские⁵²; родственники царицы Евдокии Лукьяновны – Родион Матвеевич⁵³ и Федор Иванович⁵⁴ Стрешневы; родня Стрешневых Матюшкины – племянники царицы Евдокии Дмитрий, Афанасий и Петр Ивановичи Матюшкины⁵⁵; Иван Иванович Колычев, брат которого Андрей был стольником царицы Евдокии, а также их двоюродный брат Дмитрий Михайлович Колычев⁵⁶; кн. Алексей Алексеевич Лыков⁵⁷, родная сестра которого Мария Алексеевна в мае 1637 г. вышла замуж за Семена Лукьяновича Стрешнева, брата царицы⁵⁸; сын боярина И.В. Морозова Михаил Иванович Морозов⁵⁹; сын боярина М.М. Салтыкова Петр Михайлович Салтыков⁶⁰; Михаил и Федор Львовичи Плещеевы⁶¹, сыновья комнатного стольника Л.А. Плещеева; Андрей, Василий и Григорий Никифоровичи Собакины,⁶² сыновья царского комнатного стольника Н.С. Собакина; кн. Юрий Юрьевич Звенигородский⁶³, сын кн. Юрия Андреевича Звенигородского, который около 1626 г. вступил в брак с княжной Соломонидой Семеновной Татевой, дочерью кн. Семена Андреевича Татева и Анны Ивановны, дочери Ивана Филипповича Стрешнева (сестры В.И. Стрешнева)⁶⁴; Василий Яковлевич (Богданович) Голохвастов⁶⁵, человек близкий ко двору царицы Евдокии Лукьяновны⁶⁶ и к боярину Б.И. Морозову; кн. Иван Венедиктович Оболенский⁶⁷, мать которого Устинья, жена Венедикта Андреевича Черного

52. *Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете* (М.) (далее – *Временник ОИДР*), кн. 9, отд. 3, 1851, с. 49.

53. РГАДА, ф. 396, оп. 2, № 222, л. 55; № 292, л. 14, 107; № 294, л. 29; № 290, л. 242; *Временник ОИДР*, кн. 9, отд. 3, с. 49.

54. *Временник ОИДР*, кн. 9, отд. 3, с. 49; РГАДА, ф. 396, оп. 2, № 227, л. 40; № 297, л. 59 об.

55. *Временник ОИДР*, кн. 9, отд. 3, с. 49; РГАДА, ф. 396, оп. 2, № 226, л. 36 об., 56; № 228, л. 96 об., 146; № 290, л. 242; № 292, л. 107; № 294, л. 29; № 295, л. 107 об.; № 296, л. 35 об., 72, 127, 131 об.; № 356, л. 134.

56. РГАДА, ф. 396, оп. 2, № 297, л. 33, 59 об., 177 об.; *Временник ОИДР*, кн. 9, отд. 3, с. 49.

57. *Временник ОИДР*, кн. 9, отд. 3, с. 49.

58. РГАДА, ф. 396, оп. 2, № 222, л. 197.

59. *Временник ОИДР*, кн. 9, отд. 3, с. 49.

60. Там же.

61. РГАДА, ф. 396, оп. 2, № 294, л. 30; № 223, л. 146; *Временник ОИДР*, кн. 9, отд. 3, с. 49.

62. *Временник ОИДР*, кн. 9, отд. 3, с. 49; РГАДА, ф. 396, оп. 2, № 229, л. 56, 75.

63. *Временник ОИДР*, кн. 9, отд. 3, с. 49; РГАДА, ф. 396, оп. 2, № 296, л. 127, 131 об.

64. *ЛИРО* (М.), вып. 1-2, 1911, с. 25.

65. *Временник ОИДР*, кн. 9, отд. 3, с. 49; РГАДА, ф. 396, оп. 2, № 290, л. 242; № 292, л. 14, 107; № 294, л. 29.

66. И.Е. Забелин, *Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях*, т. I, ч. II, М.: Языки рус. культуры; Кошелев, 2000, с. 130; Забелин, *Домашний быт русских царей*, с. 380.

67. *Временник ОИДР*, кн. 9, отд. 3, с. 49.

Оболенского, была близка к царице Евдокии Лукьяновне⁶⁸. Все упомянутые царевичевы стольники (за исключением рано умершего Д.И. Матюшкина) перешли впоследствии, в годы царствования Алексея Михайловича, в состав царских комнатных стольников (спальников)⁶⁹, а некоторые (В.Я. Голохвастов, А.И. Матюшкин, кн. Ф.Н. Одоевский, Р.М. Стрешнев) были пожалованы в Думу. Таким образом, служба в царевичевых стольниках открывала представителям новых «дворянских» родов доступ в правящую элиту государства.

Из числа родственников и приближенных царицы Евдокии Лукьяновны формировался состав особых царицыных стольников. В 1626-1645 гг. в числе стольников царицы Евдокии служили: Яков Иванович Безобразов, Василий Васильевич Бутурлин, Иван Львович Волков, кн. Данила Степанович Гагин-Великого, Алексей Никитич Годунов, Андрей Иванович Колычев, кн. Федор Григорьевич Ромодановский, Андрей Иванович, Афанасий Меньшого, Богдан Иванович, Григорий Максимович, Иван Иванович, Иван Федорович Большой, Иван Федорович Меньшой, Петр Максимович, Семен Лукьянович и Яков Максимович Стрешневы, Иван Иванович Травин, князя Михаил и Степан Никитичи Шаховские, Василий Григорьевич и Прокофий Петрович Юшковы⁷⁰. Почти половину из этих лиц (10 из 22 человек) составляли представители рода Стрешневых. Не случайно попали в двор царицы и прочие ее стольники – В.Г. и П.П. Юшковы приходились родственниками Стрешневым по жене Л.С. Стрешнева (отца царицы) Анне Константиновне Юшковой; матерью А.Н. Годунова была дочь Ивана Филипповича Стрешнева Анна Ивановна, родная сестра В.И. Стрешнева; через боярынь царицы в состав ее стольников были зачислены В.В. Бутурлин (сын верховой боярыни Екатерины Ивановны Бутурлиной), а также И.И. Травин и И.Л. Волков. Близким к царской семье человеком был царицын стольник Андрей Иванович Колычев, родной брат которого Иван и двоюродный брат Дмитрий Михайлович Колычевы состояли в стольниках царевича Алексея Михайловича. Возможно, через родство с боярыней царицы княгиней Соломонидой Мезецкой в число царицыных стольников попал кн. Д.С. Великого Гагин⁷¹. Брат царицына стольника кн. Ф.Г. Ромодановского Григорий был женат на дочери Матвея Васильевича Бутурлина, которая приходилась сестрой мужу боярыни Екатерины Ивановны Бутурлиной и родной теткой царицыну стольнику В.В. Бутурлину⁷². Были

68. В сентябре 1626 г. царица пожаловала ее по своему именному приказу соболями и камкой (РГАДА, ф. 396, он. 2, № 282, л. 14).

69. РГАДА, ф. 188, он. 1, № 475, л. 104 об.–106.

70. Забелин, *Домашний быт русских цариц*, с. 404; РГАДА, ф. 396, оп. 2, № 281, л. 294, 418 об., 420 об., 425, 426; № 282, л. 17, 28, 36; № 297, л. 175; РГАДА, ф. 210. Боярские книги, № 3, л. 60, 61, 62 об.; *Боярская книга 1639 г.*, с. 63, 67; РГАДА, ф. 210. Столбцы Московского стола, № 1064, столпик 1, л. 26, 27.

71. *ИРГО*, СПб., 1903, вып. II, с. 56.

72. ГИМ ОР, Собр. Уварова, № 206, л. 139 об.

близки к окружению царицы братья кн. М.Н. и С.Н. Шаховские, мать которых, жена кн. Никиты Шаховского, упоминается среди приезжих боярынь Евдокии Лукьяновны⁷³.

Свои стольники были и при дворе матери царя Михаила Федоровича, государыни старицы Марфы Ивановны. Так, 1 февраля 1619 г. по именному царскому приказу получил пожалование из Казны стольник государыни Марфы Ивановны Андрей Львович Плещеев, сын упомянутого выше «комнатного» человека Л.А. Плещеева⁷⁴. Впоследствии, к 1621 г., он был пожалован в царские стольники.

Служба в «комнате» (в составе царских спальников, царевичевых и царицыных стольников), близость к царской семье и придворным сферам открывала доступ в состав элиты двора, в том числе и в такой традиционно аристократический чин, как стольники, многим представителям прежде малозаметных «дворянских» родов – Волковым, Голохвастовым, Матюшкиным, кн. Черного-Оболенским (бывшим новгородским дворянам), Толочановым, Травинным, Хитрово, Юшковым. В стольники продвигались и родственники ближних, «комнатных» людей – родня Н.С. Собакина (Тимофей и Максим Алексеевичи, Иов Степанович, Лаврентий и Сильвестр Петровичи Собакины) и Ф.М. Толочанова (Дмитрий, Иван и Яков Михайловичи, Никифор Матвеевич Толочановы).

Родственники и приближенные членов царской семьи

В стольники активно жаловались родственники и приближенные членов царской семьи.

В стольники выдвигались представители родов, состоявших в родстве с матерью царя Михаила и пользовавшихся ее покровительством. Чином стольника был пожалован представитель родственной Марфе Ивановне фамилии Михалковых – Василий Федорович Михалков. В состав московских чинов, в том числе и в стольники, активно проникали представители родственной матери царя Михаила фамилии Чоглоковых (захудалая ветвь рода Морозовых), которые до Смуты не дослуживались до чинов выше выборных городских дворян. Чоглоковы имели старинные связи и с Михалковыми, родственниками и приближенными государыни старицы Марфы⁷⁵. В 1626–1631 гг. при «великой государыне иноке Марфе» в Вознесенском монастыре неизменно состоял дворянин Александр Игнатьевич Чоглоков, на дочери которого Анне был женат упомянутый выше стольник В.Ф. Михалков⁷⁶.

73. Забелин, *Домашний быт русских цариц*, с. 350.

74. РГАДА, ф. 396, оп. 2, № 204, л. 130 об.

75. *Старина и Новизна*, кн. 17, с. 8.

76. Там же, с. 26.

Благодаря близости к клану матери царя Михаила заметно возвысился при дворе род Загряжских, большая часть представителей которого в 1613-1645 гг. служила в московских чинах, в том числе в стольниках. Дядя стольника Петра Алексеевича Загряжского Афанасий Федорович Загряжский был одним из душеприказчиков (вместе с М.М. Салтыковым) в духовной А.Т. Михалкова 1587 г.; в той же духовной упоминается и отец П.А. Загряжского Алексей Федорович Загряжский⁷⁷. Загряжские сохраняли тесные связи с Михалковыми и позднее – женой Федора Федоровича Михалкова (брата упомянутого выше стольника В.Ф. Михалкова) была Мария Иванова дочь Загряжского⁷⁸. Загряжские, очевидно, пользовались расположением и со стороны патриарха Филарета, отца царя Михаила. Ряд представителей рода был пожалован в стольники патриарха, а затем переведен в московские дворяне. Очевидно, не случайно в составленном при Филарете Новом летописце появился рассказ о своего рода подвиге Владимира Загряжского и Никифора Чепчугова, якобы отказавшихся исполнить повеление Бориса Годунова убить царевича Дмитрия и подвергшихся гонениям со стороны правителя⁷⁹. Близки были к семье Романовых и, прежде всего, к патриарху Филарету и дворяне Чепчуговы. Сын упомянутого Никифора Чепчугова Иван был приближен ко двору царя Василия Шуйского и получил чин думного дворянина. Он находился в каком-то свойстве с царицей Марией Петровной (Буйносовой), супругой царя Василия Шуйского⁸⁰; был связан родством с Щелкаловыми, Буйносовыми, Шуйскими и Долгорукими. Преуспел И.Н. Чепчугов и на службе при дворе Владислава, получив 11 декабря 1610 г. в дополнение к чину думного дворянина чин ясельничего. Впоследствии принял участие в I и II ополчениях и умер к весне 1612 г.⁸¹ Благодаря активной службе и придворным связям И.Н. Чепчугова его род сумел продвинуться при дворе в XVII в. и прочно утвердиться в составе столичного дворянства (прежде, до Смуты, Чепчуговы служили преимущественно как городовые дворяне). Стольниками становятся сыновья И.Н. Чепчугова Иван и Андрей и его племянник Алексей Степанович Чепчугов. В царствование Михаила Федоровича заметно возвышается при дворе род Погожих. Из 10 представителей рода большинство (8 чел.) дослужилось до высших московских чинов, в том числе четверо – Исак и Дмитрий Семеновичи, Федор Дементьевич и Петр Дмитриевич – до чина стольника. Своим положением при дворе Погожие были обязаны близостью к семье Романовых. Ульяна Семеновна Погожая была замужем за Александром Никитичем Романовым. Во время годуновских

77. Там же, с. 8.

78. *Троицкая вкладная*, с. 65.

79. ПСРЛ, т. 14, с. 40-42; В.Г. Вовина-Лебедева, *Новый летописец : История текста*, СПб. : Дмитрий Буланин, 2004, с. 266-269.

80. Тюменцев *Список сторонников царя Василия Шуйского*, с. 318; Д.Ф. Кобеко, Дьяки и Щелкаловы // *ИРГО*, вып. III, с. 81.

81. *АЗР*, т. IV, с. 399; Любимиров *Очерки истории Нижегородского ополчения*, с. 296-297.

гонений на Романовых она находилась в ссылке на Белоозере, а затем в селе Клины Юрьевского уезда вместе с будущим царем Михаилом Федоровичем. В связи с делом Романовых от Годунова пострадали другие представители рода Погожих⁸². Погожие проявили свою преданность Михаилу Федоровичу уже в первые месяцы его царствования. В апреле 1613 г. Исак Семенович Погожий был в числе доверенных лиц, «выбранных от всяких чинов», которые были отправлены из царского стана в Москву к земскому собору⁸³. Погожие породнились с влиятельными придворными времени царствования Михаила Федоровича. Дочь стольника Федора Дементьевича Погожева стала женой комнатного стольника Льва Афанасьевича Плещеева.⁸⁴ Федор Дементьевич Погожий приходился «братом» жене кн. Ивана Андреевича Хворостинина, родственником или близким человеком которого был боярин и дворецкий кн. А.М. Львов.⁸⁵ Женой кн. Алексея Алексеевича Лыкова, служившего в стольниках у царевича Алексея Михайловича, была Дарья Федорова дочь Погожего⁸⁶. Близки Погожие, как отмечалось выше, были и с родом Стрешневых.

После свадьбы царя Михаила и Евдокии Лукьяновны в двор, в том числе и в стольники активно попадают представители фамилий, связанных с двором царицы.

Стольниками становятся близкие родственники царицы Евдокии Юшковы (матерью Евдокии Лукьяновны была Анна Константиновна Юшкова⁸⁷) – Лев Степанович, Осип Михайлович, Федор Дементьевич Юшковы, а также упомянутые выше Прокопий Петрович и Василий Григорьевич Юшковы, служившие до пожалования в царские стольники в царицыных стольниках. В стольники были пожалованы братья стольника царицы Евдокии И.И. Травина – Леонтий и Василий Ивановичи Травины. Последний был пожалован сразу в стольники, минуя службу в других чинах, что для рода, представители которого до Смуты не поднимались выше чина выборного городского дворянина, было, несомненно, большой честью. В стольники и другие московские чины проникают связанные с двором царицы выходцы из мещовских и серпейских дворян Комынины. Упоминаются казначея царицы Евдокии Татьяна Комынина и казначея царевича Алексея Михайловича Аграфена Степановская жена Комынина⁸⁸. Среди приезжих боярынь царицы

82. Е.Д. Сташевский, *Землевладение московского дворянства в первой половине XVII века*, М., 1911, с. 26-27.

83. *ДР*, т. I, стлб. 1173.

84. Лобанов-Ростовский, *Русская родословная книга*, т. II, с. 106.

85. *Троицкая вкладная*, с. 47.

86. Г.А. Власьев, *Потомство Рюрика*, т. I, ч. II, СПб., 1906, с. 491.

87. Д.Ф. Кобеко, *Мать царицы Евдокии Лукьяновны Стрешневой // ИРГО*, вып. III, отд. I, с. 61-64.

88. РГАДА, ф. 396, оп. 2, № 285, л. 48 об.; № 893, л. 324.

значилась жена Богдана Комынина⁸⁹. Заметно возвышаются при дворе царя Михаила Федоровича и выдвигают своих представителей в состав стольников кн. Коркодиновы, близкие к семье Романовых. Княгиня Авдотья Федоровна Коркодинова была боярыней-светличной у царицы Евдокии Лукьяновны, ранее она, по-видимому, состояла при дворе матери царя Михаила Марфы Ивановны⁹⁰. Прямыми сведениями о службе кн. Коркодиновых в московских чинах до Смуты мы не располагаем. Благодаря близости ко двору царицы в стольники попал Иван Никитич Панин, мать которого, жена Никиты Панина, упоминается в числе приезжих боярынь царицы Евдокии Лукьяновны⁹¹. Представитель рода Паниных, – Семен Семенович, – значится в числе дворян, сопровождавших царицу Евдокию в Троицком походе 1630 г.⁹²

Выходцы из новых служилых родов попадали в число царских стольников благодаря своей близости ко двору патриарха Филарета и его протекции.

Были приближены к патриарху Филарету представители рода Колтовских. Иван Александрович и Семен Васильевич Колтовские состояли при дворе Филарета в боярах. В стольники в царствование Михаила Федоровича попали сын патриаршего боярина С.В. Колтовского Федор Семенович Колтовский, его родные племянники Иван, Василий и Федор Яковлевичи и некоторые другие родственники – Никита Иванович и Тимофей Иванович, Дмитрий Федорович, Иван Никитич и Федор Иванович Колтовские. Характерно, что до Смуты Колтовские не сделали успешной карьеры при дворе (несмотря на кратковременное возвышение представителей рода в связи с женитьбой Ивана IV на Анне Ивановне Колтовской) и в конце XVI – начале XVII в. не поднимались до московских чинов. В стольниках служили сыновья и внуки дворецкого патриарха Филарета Данилы Юрьевича Леонтьева Кузьма (его тестем был царский духовник благовещенский протопоп Кирилл⁹³) и Александр Даниловичи, Лаврентий Григорьевич и Юрий Кузьмич Леонтьевы. В стольниках, как мы видели выше, состояли также сын и братья ловчего И.Ф. Леонтьева, троюродного брата К.Д. Леонтьева. Чином стольника и одновременно в кравчие патриарха был пожалован сын другого патриаршего дворецкого Ивана Васильевича Биркина Самойло. Стольниками стали родственник И.В. Биркина Василий Васильевич Биркин, а также сын следующего патриаршего дворецкого Матвея Игнатьевича Зубова Иван.

Немалое число лиц было пожаловано в царские стольники из стольников патриарха Филарета⁹⁴. Через службу в патриарших стольниках в состав

89. Забелин. *Домашний быт русских цариц*, с. 350.

90. Там же, с. 389-390.

91. Там же, с. 350.

92. РГАДА, ф. 210. Столбцы Московского стола, № 1141, л. 126.

93. РГАДА, ф. 1209, кн. 7646, л. 184; РГАДА, ф. 1209, кн. 549, л. 372.

94. Стольники патриарха Филарета представляли собой особый чин государева двора, который нуждается в специальном рассмотрении. Существование чина патриарших стольников внутри государева (царского) двора в годы правления патриарха Филарета

царских стольников выдвинулись представители целого ряда дворянских фамилий – Акинфовы, Аксаковы, Бегичевы, Бельские, Биркины, Боборыкины, Васильчиковы, Вердеревские, Воронцовы-Вельяминовы, Воейковы, Вяземские, кн. Гагарины, Глебовы, Голенищевы-Кутузовы, кн. Горчаковы, Грязновы, Давыдовы-Минчаковы, Дашковы, кн. Деевы, Еропкины, Жеребцовы, Заболоцкие, Зубовы, Исленьевы, Карамышевы, кн. Касаткины-Ростовские, Квашнины, Клешнины, кн. Козловские, Кокоревы, Кологривовы, Колтовские, Коробьины, Крабовы, кн. Кропоткины, Кузьмины-Короваевы, Леонтьевы, Лихаревы, Лодыгины, Лодыженские, Милюковы, Михалковы, кн. Морткины, Нащокины, Новосильцевы, кн. Черного-Оболенские, Протасьевы, Ржевские, Собакины, Совины, Татищевы, Фефиладельцы, Чепчуговы, Чоглоковы, кн. Шаховские, Яковлевы. Продвижение представителей данных фамилий обуславливалось их близостью ко двору патриарха Филарета и его покровительством. Так, очевидно, не случайно продвигаются при дворе Квашнины, виднейший представитель которых – Фома Иванович Квашнин (из ржевских дворян) – находился вместе с Филаретом в польском плену, а по возвращении из плена был пожалован в московские дворяне⁹⁵. В патриаршие стольники, а затем в царские стольники было пожаловано несколько представителей рода Квашниных (Елизарий Михайлович, Иван Григорьевич, Мелентий Жданович, Петр Григорьевич и Федор Васильевич), а двоюродные племянники Фомы Ивановича Квашнина, – Осип и Иван Михайловичи

(1619-1633 гг.) было явлением беспрецедентным, обусловленным особым положением в государстве Филарета как отца царя Михаила и как «великого государя». Их численность в начале 1630-х гг. вдвое превышала число царских стольников. Стольники патриарха Филарета существенно отличались от царских стольников по своему составу. Если среди царских стольников, как мы видели выше, доминировали представители боярской знати, которые и в XVII в. сохраняли преимущественное право на вхождение в состав этого традиционно аристократического чина, то стольники патриарха Филарета в массе своей были людьми неродословными. По подсчетам Е.Ю. Люткиной, из 363 фамилий патриарших стольников боярской книги 1627 г. было только 57 фамилий (15,7%), представители которых до Смуты служили в думных, высших дворцовых и московских чинах (см.: Люткина, *Стольники патриарха Филарета в составе двора Михаила Романова*, с. 103). Хотя нахождение в составе государева двора особого чина патриарших стольников было временным явлением (со смертью Филарета этот чин был расформирован), оно оказало заметное влияние на дальнейшую эволюцию двора – через этот чин в состав московского дворянства вошло значительное число представителей новых дворянских родов. В 1620-х – начале 1630-х гг. практиковались ежегодные, по большому церковному празднику, пожалования в царские стольники целых групп стольников патриарха Филарета (РГАДА, ф. 210. Столбцы Московского стола, № 25, столпик 2, л. 18-20; РГАДА, ф. 210. Столбцы Московского стола. № 51, столпик 3, л. 26-28). Некоторые патриаршие стольники производились в другие чины двора (преимущественно в стряпчие), а уже после этого жаловались в царские стольники. 30 ноября 1633 г., после смерти Филарета, был произведен разбор патриарших стольников и их перевод в другие чины двора. Из 519 бывших патриарших стольников большая часть (355 человек, или 68,4%) была пожалована в высшие московские чины (в государевы стольники – 34 человека, в стряпчие – 85, в московские дворяне – 236), 159 человек (30,6%) были пожалованы в жильцы (нижний московский чин) и только 5 человек были произведены в выборные городовые дворяне (РГАДА, ф. 210. Дела десятен, № 151; см. также: *Правящая элита Русского государства IX-начала XVIII в.*, с. 328).

95. *АЗР*, т. IV, с. 318-319; *ДР*, т. I, стлб. 408.

Квашнины, – в 1644 г. были пожалованы сразу в царские стольники, минуя службу в других чинах двора.

В царствование Михаила Федоровича (особенно в годы правления патриарха Филарета) наблюдается заметное продвижение в состав московских чинов, в том числе в стольники, представителей родственных Романовым фамилий (из рода Андрея Кобылы), которые прежде не были заметны при дворе. В состав государева двора активно входят сородичи Романовых Боборыкины (до Смуты мы вовсе не встречаем их при дворе), причем почти все они достигали высших московских чинов, а четверо из них (Афанасий Федорович, Василий Семенович, Никита Михайлович и Роман Федорович) были пожалованы в стольники. О близости Боборыкиных к семье Романовых может свидетельствовать вклад в Соловецкий монастырь, сделанный боярином И.Н. Романовым по душе Тимофея (Васильевича) Боборыкина⁹⁶. Представитель рода – Яков Михайлович Боборыкин – в 1620-х гг. вместе с боярином кн. А.В. Сицким являлся судьей важного Поместного приказа⁹⁷. Стремительно возвышаются при дворе Михаила Федоровича и другие выходцы из рода Андрея Кобылы – Лодыгины, служившие прежде преимущественно в составе новгородского дворянства, не входившего в государев двор. В царствование Михаила Романова при дворе служило 20 представителей рода Лодыгиных, и все они дослужились до московских чинов, а 8 членов рода стали стольниками. Заметно продвинулись при дворе и другие потомки Кобылы. В составе столичного дворянства прочно утверждаются Кокоревы, двое представителей которых дослужились до стольнического чина. Кокоревы сознавали свое родство с правящим домом Романовых. В январе 1630 г. 10-летний Иван Григорьевич Кокорев, будущий стольник, якобы заявлял своим товарищам, что отец его, хотя и обычный дворянин, «а государю брат»; мальчик, очевидно, только повторял разговоры, слышанные от взрослых⁹⁸. Более заметными при дворе становятся Образцовы, выдвинувшие ряд своих представителей в московские чины, в том числе в стольники, что являлось несомненной честью для рода, члены которого до Смуты не поднимались выше чина выборных городовых дворян. В составе столичного дворянства при царе Михаиле утверждаются (получают чины стряпчих и дворян московских) и другие потомки Андрея Кобылы – Коновницыны, Облязовы, Неплюевы, представители которых в конце XVI – начале XVII в. вовсе не упоминаются в составе государева двора. В московские чины в царствование Михаила Федоровича продвигаются также

96. Архив СПб ИИ РАН, к. 2, № 152, л. 52.

97. С.К. Богоявленский, Приказные судьи XVII века // С.К. Богоявленский, *Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI-XVII веков*, М.: Языки славянской культуры, 2006, с. 125-126.

98. С.В. Бахрушин, Политические толки в царствование Михаила Федоровича // С.В. Бахрушин, *Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма*, М.: Наука, 1987, с. 94.

Воробины, Трусовы и Мотовиловы, происходившие, согласно некоторым родословцам, от младшего брата Андрея Кобылы Федора Шевляги⁹⁹.

Родство и личные связи с представителями думской элиты

Выходцы из неаристократических, «дворянских» родов активно проникали в состав стольников благодаря своим родственным и личным связям с представителями правящей элиты – думными людьми и видными придворными. Рассмотрим в качестве примера судьбы некоторых наиболее известных деятелей XVII в. и их родов.

Показательна служебная карьера будущего царского тестя Ильи Даниловича Милославского. Его отец, Данила Иванович Милославский, в 1602/1603-1614/1615 гг. был выборным дворянином по Болхову, а о его службах до Смуты почти ничего не известно. Более заметной служба Милославских становится в Смутное время. Как и многие другие дворяне западных и южных уездов, охваченных смутой, болховский дворянин Данила Милославский и его сын Илья не стали служить самозванцам и, оставив свои имения, пришли в Москву. Вместе с отцом И.Д. Милославский сидел в осаде на Москве, участвовал в боях против Болотникова и Лжедмитрия II, затем служил в составе Подмосковного ополчения, участвовал в боях за освобождение Москвы¹⁰⁰. Длительная московская и «подмосковная» служба делала Милославских фигурами заметными при московском дворе, способствовала установлению их связей с придворной средой. Могущественным их покровителем становится влиятельный при дворе думный дяк Иван Тарасьевич Грамотин, с которыми Милославские состояли в родстве¹⁰¹. Благодаря службам и покровительству Грамотина болховские дворяне Милославские смогли заметно продвинуться при дворе. Д.И. Милославский становится к 1624/1625 г. московским дворянином, а его сын Илья в 1624 г. был пожалован из жильцов в стольники, что являлось, несомненно, большой честью для представителей незнатного провинциального рода. Опала на И. Грамотина в конце 1626 г. повлекла за собой и гонения на близких к нему людей. В боярском списке 1626 г. над именем стольника И.Д. Милославского стоит помета «135-го (1626 г.) декабря в 26 день отставлен за вину Ивана

99. Веселовский, *Исследования по истории класса служилых землевладельцев*, с. 15, 141.

100. РГАДА, ф. 210. Столбцы Московского стола, № 901, л. 332-333; РГАДА, ф. 210. Столбцы Московского стола, № 900, столпик 1, л. 16; Сухотин, *Четвертчики Смутного времени*, с. 133.

101. А.Б. Лобанов-Ростовский, *Русская родословная книга*, т. I, СПб., 1895, с. 381; С. Коллинс, *Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне // Утверждение династии*, М.: Фонд Сергея Дубова: РИТА-ПРИНТ, 1997, с. 219; И. Диомидов, *Синодик церкви св. Николая в Столпах XVII в. // ЛИРО (М.)*, вып. 1-2, 1911, с. 82.

Грамотина»¹⁰². После этого имя И.Д. Милославского на несколько лет исчезает из боярских списков и разрядов. Вновь на службе И.Д. Милославский появляется уже после смерти патриарха Филарета (тогда же возвращается из опалы и его покровитель И.Т. Грамотин). В сентябре 1642 г. он получил почетное назначение – был отправлен посланником в Турцию¹⁰³. Дальнейшая карьера Милославского при дворе была связана с покровительством ему со стороны боярина Б.И. Морозова, стараниями которого И.Д. Милославский сделался тестем царя Алексеевича Михайловича. Во второй половине XVII в. род Милославских прочно утвердился в боярской среде.

Благодаря покровительству кн. А.Н. Трубецкого и Б.И. Морозова, как мы видели, начиналась придворная карьера сына алексинского дворянина Богдана Матвеевича Хитрово, будущего видного боярина.

Не случайно был пожалован в стольники (причем сразу в этот чин) Андрей Максимович Языков, род которого начинает утверждаться в составе столичного дворянства только в годы царствования Михаила Романова. Возвышение Языковых произошло во многом благодаря их связям при дворе. Ко двору матери царя Михаила государыни старицы Марфы Ивановны была приближена старица Олена Языкова¹⁰⁴. Языковым покровительствовал видный боярин и придворный кн. Ю.Я. Сулешов, с которым они состояли в близких (возможно, родственных) отношениях. Отец А.М. Языкова Максим Семенович Языков вместе с боярином М.М. Салтыковым выступал в качестве душеприказчика на духовной Ю.Я. Сулешова 1643 г. В своей духовной Сулешов благословил как близких людей образом Богородицы и различными вещами М.С. Языкова и его сыновей Андрея и Ивана¹⁰⁵. Видную карьеру при дворе благодаря покровительству Б.М. Хитрово и талантам придворного сделал во второй половине XVII в. младший брат А.М. Языкова Иван, дослужившийся до чина боярина и оружейничего.

Родство и личные связи с виднейшими боярами обуславливали карьерное продвижение не только представителей новых дворянских родов, но и нередко людей родословных. Так, кн. Юрий Алексеевич Долгорукий (представитель знатного, хотя и не первостепенного княжеского рода) своим пожалованием в бояре и стремительной карьере при дворе был во многом обязан боярину Б.И. Морозову¹⁰⁶. Известно, что кн. Ю.А. Долгорукий был женат на дочери боярина Василия Петровича Морозова (троюродный дядя Б.И. Морозова) Елене, а на других дочерях В.П. Морозова были женаты князья Андрей Васильевич Голицын, Иван Иванович Шуйский и ближний боярин царя

102. РГАДА, ф. 210. Столбцы Московского стола, № 24, столпик 1, л. 6.

103. ДР, т. II, стлб. 693.

104. РГАДА, ф. 396, оп. 2, № 790, л. 1; № 893, л. 17; РГАДА, ф. 233, № 661, л. 55.

105. ЛИРО (М.), вып. 1, 1909, с. 21-29.

106. Кошелева, *Государевы пожалования в думные чины при первых Романовых*, с. 258; П.П. Смирнов, *Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в.*, т. 2, М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948, с. 324-325.

Михаила Федоровича кн. Иван Борисович Черкасский¹⁰⁷. Благодаря таким придворным связям кн. Ю.А. Долгорукий, еще будучи стольником, был человеком довольно видным при дворе. Так, в январе 1644 г. он вместе с кравчим кн. Семеном Андреевичем Урусовым выступал в качестве распорядителя за царским столом («у стола стояли»); подобные обязанности обычно исполняли ближние, «комнатные» стольники¹⁰⁸.

Выводы

Приведенные выше биографические сведения о стольниках и их родах позволяют прийти к выводу о том, что в этот традиционно аристократический чин столичного дворянства и в годы царствования первого Романова попадали отнюдь не случайные лица. Почти две трети стольников времени царствования Михаила Федоровича, как мы отмечали выше, принадлежали к старинной родовой аристократии XVI в. и новой знати, утвердившейся в боярской среде в первой половине XVII в. Однако и прочие стольники, выходцы из новых, «дворянских», родов пополняли ряды данного чина далеко не волею случая. Как правило, это были лица, тесно связанные с царской семьей, службой в «комнате», имевшие родственные и личные связи с представителями боярской и придворной элиты. Близость к царской семье, покровительство влиятельных бояр и придворных открывали молодым стольникам, в том числе и выходцам из незнатных родов, перспективы для дальнейшей карьеры при дворе. Многие из них впоследствии попадают в Думу. Из 109 новых, «дворянских», фамилий, члены которых попали в стольники в царствование Михаила Федоровича, 41 фамилия во второй половине XVII в. выдвинула своих представителей уже в Боярскую думу (в бояре, окольные и думные дворяне)¹⁰⁹. Некоторые лица из неродословных фамилий, ставшие стольниками при царе Михаиле (И.Д. Милославский, Б.М. Хитрово), выдвинулись позднее в круг ведущих политических деятелей Русского государства.

Таким образом, применительно к стольникам, также как и к думным людям, можно говорить не столько о вытеснении боярской аристократии дворянством,

107. А.Б. Лобанов-Ростовский, *Русская родословная книга*, т. 1, СПб., 1895, с. 396; Г.А. Власьев, *Потомство Рюрика*, т. 1, ч. 3, СПб., 1907, с. 29; ГИМ ОР, Собр. Уварова, № 206, л. 114.

108. ДР, т. II, стлб. 726; Павлов, *Комнатные стольники царя Михаила Романова*, с. 86-88.

109. Акинфовы, Боборыкины, Кн. Борятинские, Вердеревские, Гавреневы, Глебовы, Голохвастовы, Кн. Горчаковы, Дашковы, кн. Дашковы, Еропкины, Исленьевы, кн. Козловские, Колтовские, Комынины, кн. Коркодиновы, Леонтьевы, Лихаревы, Лодыженские, Матюшкины, Милославские, Нащокины, кн. Оболенские-Черные, Панины, Протасьевы, Ржевские, Скуратовы, Собакины, Телепневы, Толочановы, Толстые, Ушаковы, Хитрово, Хрущевы, Чемодановы, Чоглоковы, кн. Шаховские, Юшковы, Языковы, Яковлевы, Яновы (о составе Думы во второй половине XVII в. см.: R.O. Crummey, *Aristocrats and Servitors: The Boyar Elite of Russia, 1613-1689*, p. 187-214; M. Poe, *The Russian Elite in the Seventeenth Century*, vol. 1, p. 143-382, 386-469).

сколько о пополнении знати представителями новых родов, которые оказывались тесно связанными родственными и клановыми интересами со старой аристократией. Думные и московские чины составляли единый правящий слой Московского государства, состав которого комплектовался как из представителей старых княжеско-боярских родов, так и из выдвинувшихся при дворе новых людей, которые успешно интегрировались в придворную среду. С интересами этого довольно многочисленного и сплоченного слоя не могла не считаться верховная самодержавная власть.

Сохранению ведущих позиций знати в составе стольников, как отмечалось выше, способствовало то обстоятельство, что и в XVII в. продолжали действовать те общие принципы пополнения состава дворовых чинов, которые определились к концу XVI в. – комплектование состава чинов государева двора происходило в первую очередь в соответствии с происхождением («отечеством») служилого человека. Прямых данных о пожаловании при царе Михаиле в стольники непосредственно из городского дворянства (даже из чина выборных дворян) мы не встречаем. Данное обстоятельство еще раз свидетельствует о том, что состав стольников комплектовался из людей отнюдь не случайных при дворе и прямой доступ в этот традиционно аристократический чин был практически закрыт для выходцев из рядового провинциального дворянства. Попадание в стольники выходцев из новых дворянских родов происходило, как правило, уже после того, как их роды начинали утверждаться в московской служилой среде, достигали чинов московского дворянства. Нельзя отрицать, что продвижению представителей новых родов, выходцев из провинциального дворянства в годы Смуты и в послесмутный период в немалой степени способствовали их активная служба государству и личные качества (участие в борьбе с самозванцами и в земском освободительном движении, сидения в осадах на Москве и других городах и т.д.). Однако, как можно видеть на примере служебной карьеры Милославских и других родов, удержание позиций и дальнейшее успешное продвижение при дворе становилось возможным лишь благодаря установлению родственных и личных связей с представителями правящей элиты. Выдвинувшиеся при московском дворе выходцы из новых служилых родов в значительной мере отрывались от прежней «дворянской среды» (уездных дворянских организаций) и становились членами нового, придворного сообщества, правилами жизни которого они руководствовались на протяжении дальнейшей карьеры. Нельзя сказать, что эти новые лица при дворе полностью порывали связи со своими уездами, где сохранялись их вотчины и поместья, оставались родственники и «знакомцы». Однако их взаимоотношения со своими «земляками» основывались прежде всего на принципах клиентелы и покровительства (для своих, близких людей)¹¹⁰,

110. Так, Иван Иванович Стрешнев, служивший в стольниках, а затем в московских дворянах, выходец из Можайской ветви рода Стрешневых, содержал своего «земляка», жильца Дмитрия Филипповича Ларионова, отец которого также служил по Можайску (РГАДА, ф. 210. Столбцы Карабанова, № 11, л. 203). Видный придворный деятель,

а не на стремлении быть представителями при дворе интересов местных дворянских организаций в целом.

Сохранение относительно замкнутой чиновной структуры государева двора, обособленности придворной элиты от провинциальных дворянских обществ являлось существенным тормозом консолидации дворянского сословия в России в XVII в.

Основанная на принципах родства и личных связей система служилых чинов Московского государства была, однако, внутренне непрочной и все более переставала соответствовать потребностям Нового времени. Во второй половине XVII в. под влиянием целого ряда объективных факторов (появление «полков нового строя», бюрократизация государственного аппарата, кризис поместной системы, упадок местничества и т.д.) наблюдается кризис и постепенное разрушение этой системы. Тем не менее и в конце XVII в. сохранялись серьезные социальные различия между верхами (государевым двором) и низами (уездными дворянскими организациями) служилого сословия, доходившие до открытой вражды между провинциальным и столичным дворянством¹¹¹. Петр I решительно сломал старые, отжившие чиновные перегородки внутри дворянства, утвердив посредством Табели о рангах принципиально новую систему служебных отношений в государстве.

Chaire d'Histoire de la Russie
Université d'État de Saint-Petersbourg

pavlov_ap@mail.ru

комнатный стольник царя Михаила Ф.М. Толочанов, отец которого в начале XVII в. служил выборным дворянином по Брянску, оказывал покровительство при дворе жильцам Афанасию и Моисею Григорьевичам Веревкиным (РГАДА, ф. 210. Столбцы Карабанова, № 7, л. 69; № 11, л. 82), отец которых служил по соседнему с Брянском Стародубскому уезду. «По челобитью» (ходатайству) того же Ф.М. Толочанова (1640 г.) царь пожаловал из жильцов в стряпчие Федора Васильевича Зиновьева (РИБ, т. X, СПб., 1886, с. 216). Отец последнего, Василий Петрович Зиновьев, также как и отец Ф.М. Толочанова, служил выборным дворянином по Брянску; В.П. Зиновьев и Ф.М. Толочанов сидели в осаде на Москве при царе Василии Шуйском (Осадный список 1618 г., с. 424, 487).

111. Даже такое явление, как интенсивное проникновение городских дворян в состав московских чинов, означало на деле не усиление позиций уездного дворянства в государстве, а дальнейшее укрепление власти и придворного влияния представителей московской знати, благодаря покровительству которых эти новые дворяне и проникали на столичную службу (см.: Седов, *Закат Московского царства*, с. 553).